

возобновляемого мыслительного эксперимента. Каков бы ни был предложенный тезис, пока у него имеется неустранный «protervus», мы еще не достигли очевидности и остаемся в области вероятности.

Разделение веры и разума, философии и теологии выражается в чрезвычайно энергичных формулировках «Комментария к Сентенциям», написанного кембриджским доминиканцем Робертом Холкотом. Как теолог он констатирует, что тайна Троицы не согласуется с требованиями логики, но отсюда он делает вывод о существовании другой, присущей теологии логики, которой не

Часть 29.

499

4. Оккамистское движение

владеют философы. Аристотель не видел, что одно может быть одновременно одним и тремя, и очень немногие из правил, изложенных в «Первой аналитике», действительны во всех случаях. А возможно, и вообще таких нет. Впрочем, это не значит, что в теологии отказываются от разума и логики: «oportet ponere unam logicam fidei»*; и эта логика веры по-своему рациональна, хотя и основывается на других принципах: «rationalis logica fidei alia debet esse a logica naturali»**. По-видимому, можно сказать, что Роберт Холкот осознавал возможность неаристотелевской логики, действительной в плане умопостигаемое™, причем высшем по отношению к философскому разуму. Как уже справедливо отмечали, это означало возврат на позиции, которые занимал Петр Дамиа-ни в XI веке (Б. Гейер), и неудивительно, что этот аргумент «de potentia Dei absoluta»*** играет решающую роль в обоих учениях. Холкот не устанавливает пределы воле и причинности, исходящей от Бога. Так, Бог не одобряет греха; следовательно, не Он его совершитель, но Он — непосредственная причина волевого акта, который оказался грехом. Отсюда следует, что, если Бог не является непосредственным совершителем греха, то Он — его причина: «sequitur necessario quod Deus sit immediate causa peccati»****. Следовательно, Бог желает существования греха, «voluntate beneplaciti»*****, и Он даже может «de potentia absoluta»***** приказывать человеку ненавидеть Бога.

В комбинации эти два принципа составляют у Холкота инструмент разъединения естественной теологии — быть может, более мощный, чем у Оккама. Кстати, он предстает перед нами в действии в «Quodlibet I», изданном К. Михальски. Не существует очевидных предложений, кроме тех, где предикат включен в понимание субъекта; но, поскольку все наши знания извлечены из чувственного опыта, у нас нет концепта Бога; следовательно, мы не можем построить ни одного очевидного предложения о Нем. Говоря обобщенно, можно даже утверждать,

что ни один философ никогда строго не доказал существования какого-либо бестелесного существа, поскольку из-за отсутствия чувственного опыта у нас нет его концепта. Следующее замечание имеет силу не только в отношении ангелов, но и в отношении Бога: «Все, что философы написали в своих книгах по поводу таких существ, они получили от [религиозных] законодателей или от своих предшественников, у которых сохранялись следы или тень знания о Боге, полученного нашими праотцами («in quibus relinquebatur quoddam vestigium umbrosum cognitionis Dei a primis parentibus»)).»